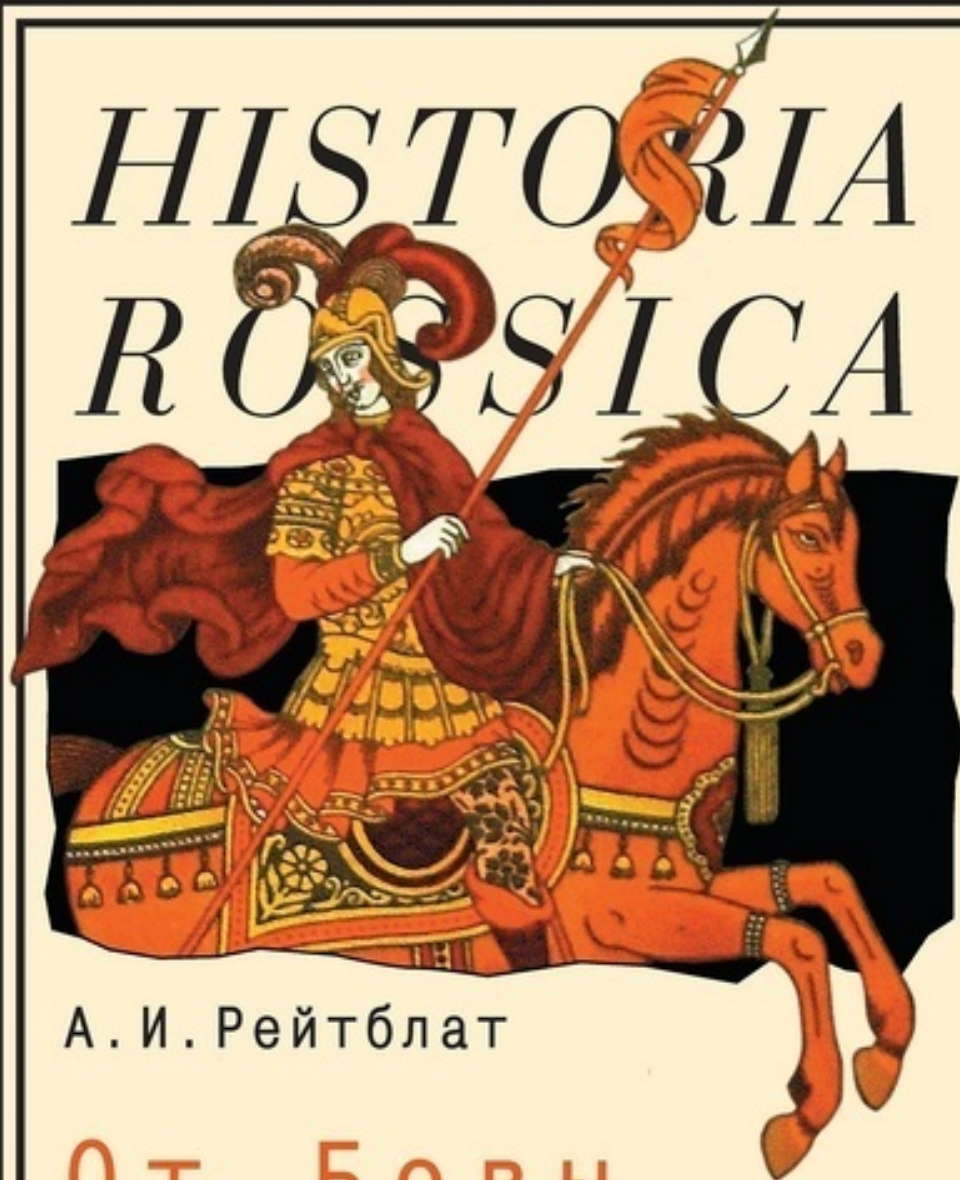

HISTORIA ROSSICA

А. И. Рейтблат

ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ

и другие работы
по исторической
социологии русской
литературы

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Абрам Рейтблат

**От Бовы к Бальмонту и другие
работы по исторической
социологии русской литературы**

«НЛО»

Рейтблат А. И.

От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат — «НЛО», — (Historia Rossica)

В книге известного социолога представлен анализ русской литературы второй половины XIX – начала XX в., рассматриваемой как социальный институт: писатели, издательское дело и книжная торговля, журналы и газеты, библиотеки, чтение, взятые в их взаимосвязи и взаимодействии. Особое внимание уделено писательским гонорарам, популярности конкретных писателей, «укоренению» детектива в России, лубочной словесности, становлению системы литературных премий.

Содержание

Вступление	5
ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ	7
Глава I	10
Глава II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Абрам Рейтблат

От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы

Вступление

Основу данного сборника, в котором представлены работы по исторической социологии русской литературы второй половины XIX – начала XX в., составила монография «От Бовы к Бальмонту», впервые вышедшая в 1992 г. Переиздавая книгу более чем пятнадцатилетней давности, хотелось бы сказать несколько слов о мотивах и обстоятельствах ее появления.

Писал я ее, будучи сотрудником (с 1976 г.) Сектора социологии чтения и библиотечного дела Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Это было уникальное научное подразделение. В ситуации научной несвободы, довольно жесткого контроля со стороны библиотечных и партийных властей руководитель Сектора В.Д. Стельмах смогла создать творческий, продуктивно работающий коллектив, в котором царил дух научного поиска, открытости всему новому в отечественной и зарубежной гуманитарной науке¹. Достаточно сказать, что там работали тогда Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая, ныне социологи, сотрудники «Левада-центра»; М.Д. Афанасьев, сейчас директор Государственной публичной исторической библиотеки; М.О. Чудакова, профессор Литературного института, исследователь советской литературы 1920—1940-х гг., и др. В Секторе регулярно проходили научные семинары, на которых выступали как названные лица, так и социологи, литературоведы, культурологи, архивисты, книговеды «со стороны» (Н.В. Брагинская, Ю.А. Горшков, С.В. Житомирская, Н.В. Котрелев, А.Г. Левинсон, А.Л. Осповат, И.В. Поздеева, М.И. Туровская и др.).

В Секторе мне довелось руководить исследованием «Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках». В ходе работы я натолкнулся на любопытный феномен – удивительную стабильность ряда показателей чтения во времени (структура по разделам фонда, жанрам и т.п.). С целью проверить, как же идут изменения в чтении, я обратился к историческому материалу, однако оказалось, что ни специальных работ, ни сопоставимых данных за разные периоды времени нет, да и вообще динамика книжного дела, взятого как социальный институт, в единстве всех его составляющих (автор, издатель, книгопродавец, читатель, критик, редактор и т.д.), практически не изучалась. То есть каждый элемент в той или иной степени исследовался, но не в контексте целого, без учета связей с другими элементами и без учета общей социальной функции и общего социального контекста. В своей кандидатской диссертации, посвященной методологии и методике изучения динамики чтения, я попытался описать и проанализировать это явление и с этой целью ввел главу ретроспективного характера, в которой рассматривал развитие чтения в России в XIX—XX вв.

Диссертацию я в 1982 г. защитил, а интерес к данной проблематике остался. В 1985—1991 гг. публиковались статьи, посвященные различным аспектам истории чтения в России, затем они были собраны в книгу «От Бовы к Бальмонту» (ряд глав был написан для отдель-

¹ О Секторе см.: Гудков Л.Д. «Работа вела меня за собой...» // Социологический журнал. 2004. № 2; Афанасьев М.Д. Энергия мысли // Книжное обозрение. 2005. № 182.

ного издания), которая и вышла в издательстве Московского полиграфического института в 1992 г. (на титульном листе стоит 1991 г.)

Многие черты книги были обусловлены опытом социолога, изучающего современное чтение и озабоченного современными проблемами, ощущающего себя «голосом» читателя, защитником его интересов. Отсюда – представление о многослойности читательской аудитории и признание права на существование за различными читательскими запросами и потребностями, отказ от нормативных представлений о том, что нужно и что не нужно читать. Отсюда особый интерес к народному «низовому» читателю, к его мировоззренческим запросам (находящим выражение в интересе к таким почти игнорируемым наукой того времени разделам книгоиздания, как религиозная (духовная) и лубочная книга). Отсюда попытка определить показатели, по которым можно количественно измерить изменения в чтении, его «прогресс» и т.п.

Хотя в разгаре была «перестройка» и читательский интерес был обращен преимущественно к современности и советскому прошлому, да к тому же распространялась книга очень причудливо (в «нормальные», «солидные» книжные магазины она не попала), тем не менее монография оказалась востребованной. Отклики появились и в общей печати², и в научных изданиях³, а в дальнейшем на нее нередко ссылались и включали в списки рекомендуемой студентам литературы какистики книжного дела, так иистики литературы.

В определенной степени подобное внимание к книге было вызвано, на мой взгляд, тем, что ранее попытки представить в обобщенной форме историю чтения и обеспечивающих его социальных институтов в России этого периода не предпринимались. Но главную роль сыграл, я думаю, предложенный историко-социологический подход, в рамках которого основное значение придавалось не конкретно-историческому описанию фактов и стадий каждого элемента (книгоиздание, книготорговля, библиотечное дело, авторы, читательская аудитория и т.д.), а осмыслению взаимодействия этих элементов, их тесной связи с социальными и культурными запросами тех или иных слоев русского общества данной эпохи.

За годы, прошедшие с выхода книги, появилось немало книг и статей, в которых более подробно освещаются те или иные затронутые в ней вопросы, главным образом – на региональном материале. Но основные сделанные в ней выводы и наблюдения в этих работах не подвергаются критике или корректировке. И хотя в последние годы введены в оборот многие ценные источники и появились содержательные работы, позволяющие дополнить, а кое в чем и уточнить положения исследования, я не стал перерабатывать книгу. Внесены изменения технического характера (даны современные названия архивов, устранены опечатки и т.д.), а также расширен (доведен до наших дней) включенный в приложение библиографический указатель работ по чтению в России во второй половине XIX – начале XX в.

Включенные в книгу позднейшие статьи дополняют (тематически и хронологически) и развивают представленные в ней наблюдения и констатации. Они также во многом являются ответом на вызовы современности. Так, издательский бум детективов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. породил статью, посвященную укоренению соответствующей модели в России в XIX в. и русскому уголовному роману, а растущая в наши дни роль литературных премий в регулировании литературного процесса побудила написать работу об истории этого института и роли его в русской литературе XIX – начала XX в.

В книгу включен также автобиблиографический указатель. Многие из учтенных в нем работ прямо или косвенно связаны с ее ключевыми темами и, надеюсь, окажутся полезными читателям.

² Новый мир. 1993. № 3. С. 240—243 (рец. Б.В. Дубина).

³ Свободная мысль. 1992. № 10. С. 126—127 (рец. В. Нехотина); Социологические исследования. 1992. № 10. С. 150—151 (рец. Ю.А. Горшкова); Филологические науки. 1993. № 1. С. 115—116 (рец. Л.В. Чернец); Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 345; *Slavia Orientalis* (Kraków). 1993. № 1. S. 128—129 (рец. В. Щукина).

ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ

Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории чтения в России во второй половине XIX в. Трактую чтение как важный социальный процесс, обеспечивающий распространение идей и знаний в обществе, нам хотелось хотя бы в самых общих чертах показать – кто, что и с какой целью читал в этот важный для отечественной истории период. Литература и журналистика того времени уже давно привлекают к себе исследовательский интерес, однако без характеристики читателя итоговая картина литературной жизни получается неполной. Ведь текст без читателя – это лишь определенное число знаков на бумаге. Давно уже стало общепризнанным, что «содержание художественного произведения <...> воспроизводится, воссоздается самим читателем – по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя»⁴. Только актуализируя и по-своему интерпретируя текст в своем сознании, читатель дает ему подлинное существование.

Традиционная история литературы, где анализируются те или иные произведения, приводятся сведения об их авторах и, в лучшем случае, о реакции критики, о читателе, как правило, забывает. Как широко читалась книга, какова была ее публика и что она значила для своих читателей – эти вопросы чаще всего остаются без ответа. В результате книга изымается из конкретной исторической действительности, в рамках которой она создавалась, публиковалась и воздействовала на свою аудиторию, и становится полем для более или менее удачных трактовок и интерпретаций, слабо соотнесенных с реальным историческим контекстом, в котором ее воспринимали современники. Думается, что все компоненты литературной жизни – литературное творчество, издание книг, журналов и газет, книготорговля, библиотечное дело – и их восприятие целесообразнее рассматривать целостно.

Необходимость введения фигуры читателя в изучение литературы и книжного дела была осознана уже в конце XIX – начале XX в.⁵ (до этого времени информация о читателях собиралась в рамках этнографии, педагогики и книжной торговли⁶).

В 1922 г. А.И. Белецкий четко сформулировал задачу историко-литературного исследования – изучить «влияние произведения на дальнейший ход литературного развития, восприятие его современниками и ближайшими потомками и разнообразную жизнь его в читательских сознаниях»⁷. Однако тогда этот призыв практически никем не был поддержан. Систематическое изучение истории чтения началось лишь в конце 1960-х гг.: с 1967 г. стала выходить серия «Судьбы книг» издательства «Книга», а в 1968 г. была опубликована статья академика М.Б. Храпченко «Время и жизнь литературных произведений»⁸, положившая начало так называемому историко-функциональному направлению в литературоведении⁹.

⁴ Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 42.

⁵ См., напр.: Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895; Горнфельд А. О толковании художественного произведения // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1916. Т. 7. С. 1—31.

⁶ См.: Банк Б.В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969.

⁷ Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки (изучение истории читателя) // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 25.

⁸ Вопросы литературы. 1968. № 10. С. 144—170.

⁹ См.: Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979; Литературные произведения в движении

Ценный вклад в ретроспективное изучение чтения внесли выпущенные Ленинградским государственным институтом культуры сборники «История русского читателя»¹⁰, где помещены содержательные работы И.Е. Баренбаума, А.В. Блюма, Н.А. Костылевой и других исследователей. В целом за последнее двадцатилетие накоплен уже значительный объем информации о чтении во второй половине XIX в. Однако из имеющихся публикаций пока не складывается целостная картина чтения в указанный период, так как они посвящены, как правило, либо восприятию конкретного литературного произведения, либо чтению научных и публицистических книг прогрессивной направленности. Каков был круг чтения в целом различных социальных слоев и групп, какова была аудитория основных каналов распространения печатных изданий (периодика, книжная торговля, библиотеки), что представляли собой домашние библиотеки – ответа на эти вопросы по XIX в. пока нет. Гораздо лучше в этом плане исследована история чтения в XVII – первой половине XVIII в., поскольку в цикле монографий С.П. Луппова дано комплексное описание книгоиздания, книготорговли, библиотек, частных книжных собраний и чтения в эти полтора столетия¹¹.

Отметим также, что история чтения интенсивно изучается за рубежом¹², в том числе и на материале русской литературы¹³. Настало, по-видимому, время приступить к созданию целостной истории чтения в России во второй половине XIX в. Своей книгой мы хотели бы сделать еще один шаг к решению этой задачи. Поскольку сложность проблемы, с одной стороны, и состояние ее изученности, с другой, не позволяют сейчас (тем более в одиночку) осуществить последовательное многоаспектное описание чтения во второй половине XIX в., мы выбрали очерковую форму, которая дает возможность остановиться на наиболее важных и в то же время почти не освещенных сюжетах, лишь «пунктиром» наметив другие аспекты, нуждающиеся в дальнейшей разработке.

Основным объектом нашего рассмотрения является чтение художественной литературы и публицистики, так как подробно охарактеризовать чтение научных, учебных, научно-популярных, детских и прочих изданий, обладающих значительной спецификой, в этой работе не представлялось возможным. Однако в ряде случаев, для лучшего понимания характера восприятия беллетристики, необходимо было дать представление и о чтении так или иначе связанных с ней других разделов литературы.

Следует оговорить также, что чтение рассматривается нами в тесном единстве с процессами создания и распространения литературных произведений, поскольку без знания того, что читалось, как читаемое попадало к читателю и кем создавалось, невозможно понять процессы чтения. Так, поскольку авторы, писавшие для социальных низов (крестьянства, мещанства, купечества, мелкого чиновничества, прислуги), и содержание литературы этого типа охарактеризованы в имеющихся работах очень выборочно и фрагментарно, мы стремились для полноты картины дать в тексте книги необходимую информацию по этому вопросу. Равным образом в книге довольно подробно описывается ряд каналов распространения печатных текстов (журналы, газеты, библиотеки для чтения и т.п.), поскольку специфика

эпох. М., 1979; Время и судьбы русских писателей. М., 1981, и др.

¹⁰ История русского читателя. Л., 1973—1982. Вып. 1—4.

¹¹ См.: Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; Он же. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; Он же. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976.

¹² Altick R.D. The English Common Reader: A Social History of the Mass Reading Public, 1800—1900. Chicago, 1957; Engelsing R. Analphabetentum und Lektüre. Stuttgart, 1973; Liba P. Čítanie starých otcov. Martin, 1970; Kostecki J. Charakterystyka wybranych społecznych sytuacji komunikacji czytelniczej w polskiej kulturze drugiej połowy XIX wieku // Pamiętnik literacki. 1978. T. 59. Z. 4. S. 99—138.

¹³ Brooks J. Readers and Reading at the End of the Tsarist Era // Literature and Society in Imperial Russia, 1800—1914. Stanford, 1978. P. 97—150; Ware R.J. A Russian Journal and Its Public: Otechestvennye zapiski, 1868—1884 // Oxford Slavonic Papers. New series. 1981. Vol. 14. P. 121—146; Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, 1985.

каждого из них в современной научной литературе не становилась предметом специального рассмотрения.

В качестве начальной точки характеризуемого периода принята середина 1850-х гг., когда правительство (при поддержке общества) приступило к подготовке реформ, причем именно в литературе и журналистике (и, соответственно, в характере чтения) перемены начались раньше, чем в других сферах социальной жизни. Условной конечной границей взята середина 1890-х гг., поскольку в политической жизни в этот период стало ощутимым нарастание социально-критических настроений и освободительной борьбы, а в сфере литературы намечались, с одной стороны, формирование элитарных читательских групп (сторонников модернизма) и, с другой – резкое увеличение читательской аудитории за счет приобщения к чтению широких, ранее не читавших слоев города и села. Чтение второй половины 1890-х – начала 1900-х гг. было во многом специфично и должно рассматриваться отдельно.

В ходе работы над книгой был использован ряд разнородных источников. Там, где можно было (прежде всего при характеристике чтения крестьян и рабочих), мы опирались на публикации дореволюционных исследователей чтения (наиболее важные из них названы в библиографическом списке, включенном в приложение к книге). Другим важным источником послужили мемуары. На основе известного библиографического указателя воспоминаний по истории России¹⁴ было выделено 150 публикаций, принадлежащих представителям различных сословий и профессий и включающих информацию по различным аспектам чтения. Третьим ценным источником сведений явились архивные материалы, хранящиеся в РГАЛИ и в отделах рукописей Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки и Института русской литературы РАН. Особый интерес представили при этом фонд Н.А. Рубакина в ОР РГБ, содержащий многочисленные ответы на вопросы его программы по изучению народного чтения, фонд мемуаров и воспоминаний в РГАЛИ и фонд А.И. Яцимирского в ИРЛИ, включающий значительное число автобиографий писателей-самоучек. В качестве еще одного источника следует назвать принадлежащие изучаемому периоду статистические публикации, публицистику, письма, литературную критику и беллетристику (нередко содержащую ценные зарисовки ряда ситуаций, связанных с чтением). И, наконец, в заключение следует упомянуть работы советских литературоведов, книговедов, историков чтения, наблюдения и выводы которых были учтены в ходе исследования.

Автор искренне благодарен Л.Д. Гудкову, Е.А. Динерштейну, Н.Е. Добрыниной, Б.В. Дубину, А.Г. Левинсону, В.И. Харламову и А.П. Чудакову за советы и критические замечания, высказанные при обсуждении рукописи. Автор выражает также признательность А.В. Блюму и своим коллегам по Сектору социологии чтения и библиотечного дела Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина за помощь в работе над книгой.

¹⁴ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 3, ч. 1—4; Т. 4, ч. 1—4. М., 1979—1986.

Глава I

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В наши дни чтение является постоянным элементом образа жизни подавляющего большинства населения и воспринимается как естественный вид деятельности, подобно питанию, сну, игре. Сейчас трудно представить, что в первой половине XIX в. читала лишь незначительная часть населения России, а на каждого читателя приходилось не менее 20 нечитателей. По сути дела, читатели представляли собой лишь очень тонкий слой населения.

Наиболее общим социальным процессом, определяющим распространение чтения в стране, был постепенный переход от традиционного сельского образа жизни к современному городскому. Исторический опыт показывает, что и в России, и в других странах книга и чтение являются атрибутами жизни горожан. Господствующие в феодальном селе социальные структуры, базирующиеся на традиционных образцах поведения, жестко закреплённых типах действия в различных жизненных ситуациях, тесно связаны с устным общением. Лишь в городе, предлагающем множество конфликтующих между собой образцов поведения, появляется потребность в таком универсальном посреднике, как печатное слово.

Здесь следует уточнить, что умение читать – технический навык, который может быть использован с различными целями. В одних случаях читатель действует только как чтец, своеобразный ретранслятор, произнося вслух для неграмотных письменный текст, в других он читает по необходимости, в силу требований своего социального положения (чтение служебных бумаг чиновниками и финансовых документов купцами, зубрежка уроков в школе), наконец, в третьих, – для удовлетворения своих духовных запросов и потребностей. Каждый из перечисленных типов чтения имеет разный смысл для читателя, ниже мы именуем чтением главным образом последний из них. Он широко распространяется в ситуациях кризиса традиционного, привычного образа мира, когда читатель с помощью книги (то есть далеких в пространстве и времени, но духовно близких людей) пытается обрести опору в жизни, решить свои проблемы. Немаловажное значение для распространения чтения имеет, разумеется, и чисто техническое владение читательскими навыками, и сила традиции, то есть установки на книгу и чтение в данном социальном слое.

Модернизационные процессы, начало которым положили реформы Петра I, находили свое выражение не только в росте городов, но и в преодолении замкнутости села, медленном проникновении туда городской культуры.

Однако сословный характер общества, не отменённый (хотя и несколько модифицированный) петровскими реформами, накладывал свой отпечаток на распространение чтения. Более того, хотя эти реформы несколько облегчили социальную динамику, ослабив в ряде отношений межсословные перегородки, они же значительно усилили разрыв в культуре между дворянством и другими сословиями. Втянутое в процессы преобразований дворянство интенсивно усваивало западную культуру (и, как один из ее элементов, книгу). В результате к концу XVIII в. чтение становится важным компонентом дворянского образа жизни (за исключением самого низшего слоя дворянства). В других сословиях, которые существенно позже приобщились к процессам модернизации (купечество, мещанство, крестьяне-дворовые), нередко попадались активные читатели и абсолютная их численность была довольно велика (характерно, что низовая литература регулярно переиздавалась большими тиражами), однако в процентном отношении они составляли лишь незначительную часть этих слоев. Здесь уровень грамотности был невысок, а к чтению относились неодобительно, считая, что им пристойно заниматься только представителям других сословий.

Крестьяне-земледельцы, составляющие подавляющую часть населения, не приобщенные к преобразованиям, практически не читали. Не только чтение, но и техническая его предпосылка – умение читать – была слабо распространена в этой среде.

Таким образом, модернизационные процессы приобщали к чтению не напрямую, а через «сетку» сословной структуры общества. Механизмы межсословного взаимодействия (с одной стороны, значительная замкнутость и специфичность сословных культур, с другой – постепенное заимствование образцов поведения низшими сословиями у высших) оказывали немалое воздействие на характер проникновения книги в ту или иную социальную среду.

Следует охарактеризовать и третий, особенно специфичный для пореформенного периода, социальный процесс, оказавший немалое влияние на распространение книги – политическую борьбу и связанную с ней деятельность элитных социальных групп по приобщению населения к чтению.

Для исторических судеб книги в России вообще характерно, что, в отличие от западных стран (Германии, Англии, Франции и др.), где распространение книги шло «естественным» путем, удовлетворяя потребности населения, в России в значительной степени она внедрялась сверху – правительством (не случайно долгое время существовало только государственное книгопечатание), церковью, а позднее и иными социальными институтами и группами. Как будет показано ниже, этот процесс особенно усилился именно в пореформенный период.

Попробуем в общих чертах описать читательскую аудиторию кануна реформ 1860-х гг. Объем ее был невелик. Точно определить его не представляется возможным, однако имеются данные для примерного подсчета. Прежде всего приведем сведения об уровне грамотности населения, так как неграмотные уже в силу самого этого факта не входили в число читателей. По расчетам А.Г. Рашина, обобщившего результаты ряда региональных обследований, среди сельских жителей грамотные во второй половине 1860-х гг. составляли примерно 5%, среди горожан в первой половине 1870-х гг. – более одной трети¹⁵. Поскольку на долю сельского населения приходилось девять десятых общей его численности, то можно считать, что в конце 1860-х – начале 1870-х гг. было грамотно примерно 8% населения страны (то есть порядка 10 млн человек).

Однако на практике к книгам обращалась существенно меньшая часть населения. На селе, как свидетельствуют многочисленные мемуарные источники, традиция чтения книг почти отсутствовала, слаба она была и в купеческо-мещанской среде. В целом, по нашей оценке, читательская аудитория страны к началу 1860-х гг. не превышала 1 млн человек. Важно подчеркнуть, что она была неоднородна; это было связано с сословной замкнутостью населения, когда разные сословия существенно различались по образу жизни и характеру культуры. Подобные различия в значительной степени закреплялись сословным характером образования. Высшая (университеты) и средняя (гимназии) школы были тесно связаны между собой и оторваны от начальной, дававшей элементарное образование (в сельской среде в большом количестве действовали вне официального контроля так называемые «домашние школы грамотности», где обучали только читать и писать). В результате по кругу своих знаний и интересов читательская аудитория распадалась на отделенные друг от друга почти непроницаемыми перегородками слои. Еще в середине 1820-х гг. Ф.В. Булгарин, за годы журналистско-издательской работы хорошо изучивший читательскую публику, выделял в ней следующие категории:

1. «Знатные и богатые люди», которые в основном читают иностранную книгу.

¹⁵ 12 Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX в. и начале XX в. // Ист. зап. М., 1951. Вып. 37. С. 32, 38.

2. «Среднее состояние. Оно состоит у нас из: а) достаточных дворян, состоящих в службе, и помещиков, живущих в деревнях; б) из бедных дворян, воспитанных в казенных заведениях; с) из чиновников гражданских <...>; d) из богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредством чтения и взаимного сообщения идей, составляет так называемую русскую публику. Она читает много и большею частию по-русски <...>».

3. «Нижнее состояние. Оно включает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников. <...> Этот класс читает весьма много. Обыкновенное их чтение составляют духовные книги, странствия к святым местам, весело-нравственные повествования и все вообще, относящееся к внутреннему управлению России».

4. «Ученые и литераторы», численность которых невелика¹⁶.

В силу низких темпов социального и культурного развития николаевской России подобную структуру читательская аудитория сохранила и к периоду реформ. Цензор Ф.Ф. Веселаго в 1862 г. пришел практически к тем же выводам, что и Булгарин: «Наша читающая публика довольно определительно может быть разделена на три главные группы. Первую составляют люди современно, серьезно образованные, по развитию своему стоящие в уровень с общим европейским развитием и владеющие знанием иностранных языков. Во второй находятся люди, имеющие некоторые, более или менее совершенные научные сведения, но о многих современных идеях рассуждающие со слов других и по отрывочному собственному чтению. Третья группа требует от чтения одного приятного и полезного препровождения времени; сюда относится менее развитый слой так называемых благородных классов, с малыми изъятиями купечество и все грамотное простонародье»¹⁷. Хотя Веселаго пристрастен и несправедлив в оценке читательских потребностей купечества, крестьянства и рабочих, однако в целом расслоение читательской аудитории зафиксировано им довольно верно. Действительно, и в этот период, и позднее, вплоть до конца XIX в., читательская публика состояла из трех выделенных им читательских слоев, хотя постепенно дифференциация продолжала усиливаться, внутри каждого слоя довольно отчетливо выделялись специфические группы и категории читателей.

К началу 1860-х гг. в России, по подсчетам В.Р. Лейкиной-Свирской, было примерно 20 тыс. людей с высшим образованием. Следует учесть также студентов университетов (немногим более 5 тыс. в 1861 г.)¹⁸, а также женщин, нередко получавших хорошее домашнее образование, какую-то часть выпускников гимназий, пополнявших свои знания самостоятельным чтением, и т.п.

В целом первая выделенная Веселаго группа («серьезно образованные») включала, по нашей оценке, не более 30—40 тыс. человек. Гораздо труднее определить численность других групп. По нашим подсчетам, примерно 100 тыс. человек имели в эти годы среднее образование (или, по крайней мере, учились ранее в среднем учебном заведении), кроме того, 26,8 тыс. человек учились в это время в гимназиях и прогимназиях (данные 1865 г.)¹⁹. Если учесть также лиц, получивших домашнее образование, много читавших самоучек и т.д., то численность второй выделенной Веселаго группы можно оценить в 200—250 тыс. человек.

Еще более неопределенный и условный характер имеют наши представления о величине третьей группы. Данные о числе окончивших начальную школу отсутствуют, а сведения об уровне грамотности мало что дают в этом плане, так как более или менее системати-

¹⁶ Булгарин Ф.В. О цензуре в России и книгопечатании вообще // Рус. старина. 1900. № 9. С. 580—582.

¹⁷ См.: Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862. С. 21.

¹⁸ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 70.

¹⁹ Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Л.; М., 1950. С. 84.

чески читала лишь незначительная часть грамотных в купеческой, мещанской и особенно крестьянской среде. Лишь опираясь на косвенные данные, и прежде всего сведения о тиражах лубочных и т.п. изданий, распространявшихся исключительно среди подобных читателей, можно предположить, что число их достигало 400—500 тыс. (в том числе 100—200 тыс. на селе).

Реформы 1860—1870-х гг. (освобождение крестьян, введение гласного суда, всеобщей воинской повинности, земства) открыли путь капиталистическому развитию России и в результате порождали у все большего и большего числа людей потребность в чтении. Это было связано со следующими двумя основными обстоятельствами. Одно из них можно назвать утилитарным: переходя от патриархальных бытовых и экономических связей к товарному хозяйству и формальным правовым отношениям, значительная часть населения столкнулась с необходимостью знания законов и существующих предписаний, регулярного знакомства с государственными указами, торговой и хозяйственной информацией. Кроме того, в управлении страной, политике, экономике, культуре требовалось все больше и больше грамотных, образованных людей. Если в деревне, где хозяйство велось по старинке, все работы исполнялись в основном вручную, значительная часть населения могла обходиться без чтения, то в городе основные сферы жизни в этот период все более и более неразрывно связываются с ним. Тесные контакты с представителями привилегированных сословий в городе приводили нередко к заимствованию образцов поведения, в том числе и привычки к чтению.

Однако не менее важную роль в распространении чтения играли и факторы идеологического порядка: ломка социальных отношений вела к разрушению старой картины мира, и люди стремились найти новые мировоззренческие основы своего существования. Этот факт также стимулировал обращение к печатному слову. Хотя большинство населения на протяжении второй половины XIX в. не читало ни книги, ни периодику, но для читающего меньшинства печатные издания были высоко значимы. Книга рассматривалась как жизненный наставник, помогающий в духовном и нравственном самосовершенствовании.

Интересно, что ведущее место в чтении на протяжении всего периода, даже в моменты наиболее острой политической борьбы, принадлежало художественной литературе. По свидетельству М.Е. Салтыкова-Щедрина (1864), русская публика «не любит ни углубляться, ни анализировать, а желает, чтобы писатель действовал на нее посредством живых образов и убеждал сравнениями и уподоблениями. Стало быть, учительницею ее стоит на первом плане так называемая беллетристика»²⁰. Подобное положение было обусловлено не только (и не столько) сильным давлением цензуры, но и целым рядом исторических особенностей формирования русской культуры²¹. Однако от литературы большинство читателей ждало главным образом не «художественности», а публицистичности и дидактичности, критики существующих порядков и изображения образцов для подражания.

К концу характеризуемого нами периода численность образованной публики существенно выросла. По подсчетам В.Р. Лейкиной-Свирской, «к концу века было заново подготовлено высшими учебными заведениями гражданских ведомств около 85 тыс. людей, годных к выполнению функций интеллигентного труда»²². Кроме того, по данным переписи, в 1897 г. числилось более одного миллиона обучавшихся в средней школе (окончивших и неокончивших), не считая тех, которые учились в высшей (таковых насчитывалось 200

²⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1968. Т. 6. С. 320.

²¹ Анализ их см.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 208—226.

²² Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. С. 70.

тыс.)²³. Резко выросла численность учащихся – основной, как указывалось выше, читательской группы. В 1880 г. в университетах учились 8,2 тыс. студентов, в средней школе – 181,7 тыс. учащихся²⁴. К концу века численность студентов выросла до 15,2 тыс. (во всех типах высших учебных заведений), учащихся средней школы – до 220 тыс.²⁵.

Однако гораздо более ощутимым был рост численности низовой читательской аудитории, что было обусловлено целым рядом факторов. Прежде всего нужно отметить, что быстро увеличивалось население городов: в Европейской России за 1863—1897 гг. оно почти удвоилось (с 6,1 млн до 12 млн), в то время как сельское увеличилось примерно в полтора раза. Еще большую важность для судеб книги имело усиление контактов крестьян с городом, чаще всего – в форме «отхода». Как отмечал В.И. Ленин, «отсутствие свободы передвижения, сословная замкнутость крестьянской общины вполне объясняют ту замечательную особенность России, что в ней к индустриальному населению должна быть отнесена не малая часть сельского населения, добывающая себе средства к жизни работой в промышленных центрах и проводящая в этих центрах часть года»²⁶. По неполным данным, в 1861—1870 гг. населению 50 губерний Европейской России было выдано 1285,6 тыс. краткосрочных паспортов для отхода и заработка, а в 1891—1900 гг. – 6952 тыс., то есть за 40 лет после отмены крепостного права число отходников выросло в 5 раз²⁷. Как показал К.Я. Воробьев, в хозяйствах отходников оказался самый высокий уровень грамотности, почти в каждой их семье были грамотные или учащиеся²⁸.

Однако и крестьяне, оставшиеся в деревне, нередко ездили теперь в город для продажи урожая, по судебным делам и т.д. Как будет показано ниже (в главе «Книга и крестьянин: изменение отношения к чтению»), крестьяне теперь ощутили потребность в грамоте.

Немалую роль в приобщении крестьян к чтению сыграло открытие школ для них. Поскольку после освобождения многомиллионные массы крестьянства стали большой политической силой, различные социальные группы и течения стали стремиться опереться на нее, для чего старались воздействовать с помощью печатного слова (устной пропагандой охватить многочисленное население, разбросанное по громадной территории, не было никакой возможности). К этому стремились революционные демократы, либералы, консерваторы, церковь и даже правительство, убедившееся, что управлять крестьянами только на основе насилия чрезвычайно сложно. Для того чтобы создать читательскую аудиторию, была начата интенсивная работа по обучению населения грамоте. Возникли школы разных типов: воскресные (которые посещали и взрослые), Министерства народного просвещения, армейские, помещичьи в имениях, церковно-приходские и др. Но самой жизнеспособной оказалась земская школа, которая постепенно охватила значительную часть сельского населения и существенно повлияла на рост уровня грамотности в деревне. Численность учащихся в сельских школах выросла с 717,8 тыс. в 1861 г. до 3239,3 тыс. в конце века, то есть более чем в четыре раза²⁹.

В результате существенно повысился уровень грамотности крестьян. Если по данным земских переписей (по 20 губерниям в 1887—1888 гг.) грамотность сельского населения

²³ Там же. С. 51—52.

²⁴ См.: Университеты и средние учебные заведения 50-ти губерний Европейской России и 10-ти Привислянских, по переписи 20-го марта 1880 г. СПб., 1883. С. 3, 19, 225.

²⁵ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. С. 51, 55, 56.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. 1967. Т. 3. С. 569.

²⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1968. Т. 5. С. 339.

²⁸ Воробьев К.Я. Грамотность сельского населения в связи с главнейшими факторами крестьянского хозяйства // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1902. С. 33—58.

²⁹ Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964. С. 69.

составляла в этот период 8,7%³⁰, то, согласно Всероссийской переписи, к 1897 г. она выросла до 17,4%.

Но важен не столько рост уровня грамотности крестьянства, сколько изменение отношения к книге в этой среде. В последней трети XIX в. чтение светской литературы уже не считалось крестьянами предосудительным занятием. Конечно, на селе читал отнюдь не каждый грамотный. Во-первых, в приводимых сведениях к числу грамотных (согласно принятым в дореволюционной практике критериям) отнесены и малограмотные, а для них сам процесс чтения представлял немалую трудность. Во-вторых, значительная часть лиц в крестьянской среде, научившись читать в школе, в дальнейшем и из-за обстоятельств бытового характера, и из-за недостатка материала для чтения практически не пользовалась этим умением. В результате читательская аудитория села была существенно меньше, чем грамотная часть населения. И все же в абсолютном выражении сельские читатели составляли теперь значительное число. Если в 1860-е годы «образованная» и «низовая» читательские аудитории были почти равны по величине, то к концу века численность крестьянского и рабочего читателя существенно превышает численность читателей из «командующих классов» (термин Н.А. Рубакина). В этот период структуру читательской публики можно наглядно представить в виде пирамиды, где вверху будут «образованные» читатели, внизу – «простонародные», а между ними – «средние» читательские слои.

Об увеличении читательской аудитории косвенным образом свидетельствует рост объемов издательской продукции. По нашим примерным подсчетам, с 1860 по 1900 г. суммарный тираж толстых журналов вырос с 30 до 90 тыс. экз., общих и литературных газет (разовый) с 65 до 900 тыс. экз. У тонких иллюстрированных еженедельников, получивших распространение в последней трети XIX в., суммарный тираж увеличился со 100 тыс. экз. в конце 1870-х гг. до 500 тыс. экз. в 1900 г. За последнее пятнадцатилетие XIX в. общий тираж книг, изданных на русском языке, вырос втрое (с 18,5 млн экз. в 1887 г. до 56,3 млн экз. в 1901 г.)³¹. В 1860—1890 гг. формируется сеть книжной торговли по стране, теперь не только в губернских, но и в уездных городах возникают книжные магазины. Если в 1868 г. в России было 568 книготорговых заведений³², то в 1883 г. – 1377, а в 1893 г. – 1725³³.

Ориентиром для оценки темпов роста читательской публики, главным образом – промежуточных ее слоев, могут служить сведения о численности абонентов библиотек. Правда, нужно учитывать, что значимость библиотеки как канала распространения книги была тогда ниже, чем в наши дни. Значительная часть материально состоятельных читателей (крупное и среднее дворянство, чиновничество) в своем чтении ограничивалась журналами и газетами, получаемыми по подписке (суммарный разовый тираж общих и литературных газет и журналов составлял к началу XX в. примерно 1,5 млн экз.), а также домашними библиотеками. Не обремененные заботой о деньгах, они, как правило, приобретали каждую интересующую их книгу и выписывали нужные периодические издания. «Отсекалась» от пользования библиотеками и часть низовых читателей, что было связано с ограничениями в комплектовании. Одни из них носили правительственный характер, как, например, изъятие из фондов в 1884 г. большого числа книг и журналов прогрессивной направленности или ограничение фондов «народных библиотек» книгами, включенными в специальный каталог. Другие были вызваны просветительскими установками комплектаторов, например недопущение в публичные библиотеки бульварной и лубочной литературы.

³⁰ См.: Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России // Левассер Э. Народное образование в цивилизованных странах. СПб., 1899. Т. 2. С. 221.

³¹ Муратов М.В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 203.

³² Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. 4. С. 898.

³³ Муратов М.В. Указ. соч. С. 153.

И тем не менее приводимые сведения наглядно характеризуют быстрый рост читательской аудитории в стране.

В 1856 г. в России, по данным отчета министра народного просвещения, было 49 библиотек, открытых для пользования населения³⁴. Поскольку число абонентов библиотек было тогда невелико (не более 200—300 на библиотеку), можно считать, что по стране оно не превышало 10—15 тыс. человек. В 1864 г., по сведениям Г.Н. Геннади, в России было уже 136 публичных библиотек и «библиотек для чтения»³⁵. В 1882 г., по неполным данным официального учета (без Москвы, Петербурга и ряда губерний), в стране было 517 публичных общественных и частных библиотек. Если учесть, что в Москве и Петербурге, вместе взятых, было более 60 библиотек, то общее число их приблизится к шести сотням³⁶. К 1894 г. число библиотек выросло до 792 (в том числе 96 «народных»), не считая пришкольных библиотек для народа, число которых превышало 3 тыс.³⁷. В 1910 г. в городские библиотеки России было записано, по неполным данным, приблизительно 1,5 млн читателей (с учетом библиотек-читален общее число читателей составит 2,6 млн)³⁸. Поскольку численность городского населения России была равна в 1913 г. 23,3 млн человек³⁹, то охват библиотечным обслуживанием составлял, таким образом, немногим более 11%. Сельскими библиотеками в 1909—1911 гг. пользовались 2,9% всего сельского населения⁴⁰, то есть примерно 3 млн человек.

В целом по стране охват библиотечным обслуживанием в начале 1910-х гг. был, по нашим расчетам, на уровне 3—4% жителей, а к концу XIX в., по-видимому, 2—3%. Эта цифра дает нижнюю границу величины читательской аудитории, так как в библиотеки записывались более или менее регулярные читатели. Реальная читательская аудитория была, естественно, больше. Общую ее величину к концу XIX в. можно оценить в 8—9 млн. человек (то есть 6—7% населения). К близким выводам пришел и М.Д. Афанасьев, по мнению которого читатели книг в России конца XIX—начала XX в. составляли 4—6% населения⁴¹.

Увеличение читательской аудитории шло главным образом за счет тех культурных слоев, которые ранее были слабо приобщены к печатному слову, поэтому она с каждым годом все более и более дифференцировалась. Обратимся к свидетельству Н.А. Рубакина, отмечавшего, что «литературные течения по всей читающей России катятся <...> волна за волной. Уже прошло почти сто лет, как над передовыми читателями пронеслась волна псевдоклассицизма, семьдесят с лишком лет, как пронеслась волна сентиментализма Карамзина, затем романтизма Жуковского и т.д. и т.д., но где-то там, в недрах провинции, эти волны катятся до сего дня, разбегаясь кругами во все стороны, захватывая все большую и большую массу людей и уступая дорогу следующей волне. Нечего удивляться, что там, где еще катится волна XVIII века, не пользуются вниманием, не встречают одобрения произведения конца XIX»⁴². Это наблюдение отражает факт расслоения и культуры, и литературы, и, соответственно, читательской аудитории.

Подобное явление неудивительно. Вследствие многоукладности экономики в социальной структуре общества и, соответственно, в структуре его культуры сосуществовали самые

³⁴ См.: Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 41.

³⁵ Геннади Г.Н. Указатель библиотек в России. СПб., 1864.

³⁶ Подсчитано по: Полный алфавитный указатель всех книжных магазинов, библиотек для чтения и музыкальных магазинов, находящихся в губерниях Российской империи. М., 1882; Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1880 год. М., 1880. С. 1006—1008; Петербург. Памятная книжка. СПб., 1881. С. 77.

³⁷ См.: Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР. 3-е изд. М., 1980. С. 66.

³⁸ Подсчитано по: Города России в 1910 году. СПб., 1914.

³⁹ См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956. С. 88.

⁴⁰ См.: Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 5-е изд., доп. М., 1919. С. 132.

⁴¹ Афанасьев М.Д. Проблемы распространенности чтения в сельской среде: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1979. С. 44.

⁴² Рубакин Н.А. Указ. соч. С. 17—18.

различные уровни (от патриархального сельского хозяйства до современной промышленной индустрии, от неграмотных крестьян до высокообразованных ученых, писателей, инженеров). Поэтому существовали еще читательские группы, находившиеся на той стадии, которую наиболее «продвинутые» слои населения прошли, например, в XVIII или начале XIX в.

Принято считать, что в России существовала одна литература, в которой были качественно различные уровни – первоклассные писатели, литераторы второго и третьего ряда, графоманы и т.п. Соответственно, и читателей делят на высококультурных знатоков, «средних», «неразвитых» и т.п. Мы бы предложили несколько иной образ литературы, или, точнее, образ нескольких одновременно существующих литератур. Так, для России последней трети XIX в. можно условно выделить следующие типы литератур: толстого журнала, тонкого журнала, газетную, лубочную, «для народа» и детскую. У каждой из них была своя поэтика, свои авторы и пути доведения текстов до публики, свои читатели.

Это не означает, что конкретный писатель не мог писать для разных «литератур» или что конкретный читатель не мог обращаться к разным «литературам». Однако если осуществлять типологическое описание, то нужно констатировать довольно жесткую границу между названными «литературами»: интеллигентный, образованный читатель не пользовался «книгами для народа» и лубочными изданиями, а читатель-крестьянин не читал, как правило, толстых журналов. Разумеется, при конкретном описании литературной ситуации в определенный момент всегда можно найти промежуточные, переходные формы. Например, толстые журналы, близкие по характеру к тонким (например, «Колосья»), и тонкие журналы, близкие по содержанию к толстым («Новь», «Север»); тонкие журналы, похожие по характеру публикуемой беллетристики на низовые газеты («Свет и тени», «Мирской толк»), и газеты, публикующие примерно такие же произведения, как толстые журналы («Русские ведомости», «Порядок»). Однако литература большинства изданий довольно определенно принадлежала к одному из выделенных нами типов, сравнительно жестко закреплялись за ними и авторы, и читатели.

Сказанное выше относится прежде всего к художественной литературе. Однако у периодики каждого типа «литературы» была своя специфика, определяемая публикацией и небеллетристического материала. Так, толстые журналы включали большое число публицистических, литературно-критических и научных статей, тонкие – богатый иллюстративный материал. Различна была и периодичность их выхода, что влияло на оперативность освещения и уровень осмысления происходящих событий. Чем выше в социокультурной иерархии стоял читатель, тем большее число источников информации он использовал, стремясь сочетать достоинства каждого из них.

В наших рассуждениях может удивить отсутствие книги и ее читателя. Дело в том, что в описываемый период она не играла первостепенной роли в литературном процессе. Подавляющее большинство произведений первоначально публиковалось на страницах журналов и газет и лишь часть их выходила потом отдельными изданиями. В результате большинство читателей (кроме низовой аудитории) знакомились с литературными новинками на страницах периодики, а книги имели для них второстепенное значение.

Реформы 1860-х гг. (точнее – уже сам период их подготовки) резко активизировали чтение образованных и полуобразованных слоев. По словам Н.В. Шелгунова, «в шестидесятых годах точно чудом каким-то создавался внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать»⁴³. Во многом изменилось в эти годы само отношение к чтению. Если раньше книгу и журнал читатели из этих

⁴³ Шелгунов Н.В. Воспоминания // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 113.

слоев использовали для развлечения и ухода от окружающей действительности, в лучшем случае – для осмысления происходящего, то теперь они ждали от книги помощи в выборе жизненного пути и инструкций в повседневной практике.

Место печатного слова в русском обществе конца 1850-х – начала 1860-х гг. наглядно иллюстрирует такой курьезный факт, что «гвардейские офицеры, ухаживавшие за <...> балериною, привозили ей сочинения Белинского, которого тогда нельзя было не читать, или, по крайней мере, не иметь такого вида, как будто только что читал его»⁴⁴.

Среди «образованной» публики наиболее активными читателями были лица, затронутые происходящими в стране социальными преобразованиями, испытывающие сильные напряжения (из-за своего неполноправного места в социальной иерархии), но, как правило, не причастные к конкретной практической деятельности. Они регулярно читали толстые журналы, газеты, следили за литературными новинками и критическими откликами на них.

Можно выделить три основные читательские группы «образованной» публики: ученые и литераторы, учащаяся молодежь, помещики. Все они располагали сравнительно большим объемом свободного времени и широким доступом к печатным изданиям.

Для писателей, журналистов, ученых чтение всегда было важным условием их профессиональной деятельности, теперь же у них возникла потребность быть знакомыми с гораздо более широким кругом источников – для участия в политической и идеологической борьбе своего времени. Но это были люди с уже сформировавшимся мировоззрением, способные критически относиться к публикуемым статьям и художественным произведениям.

Больше всего читала во второй половине XIX в. молодежь (учащиеся университетов, гимназий и семинарий), что обуславливалось интенсивными поисками своего места в жизни⁴⁵. Они читали главным образом радикальные журналы («Современник» и «Русское слово», позднее «Отечественные записки» и «Дело»), причем наибольший интерес вызывали статьи Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева⁴⁶.

Значительное место в чтении учащихся в 1860-е гг. занимала эмигрантская литература, прежде всего – издания Герцена⁴⁷. В Петербургском университете, по воспоминаниям одного из студентов, «с жадным вниманием читали мы, собравшись в кружок у кого-либо из нас, издаваемые Герценом—Искандером в Лондоне “Колокол” и “Северную звезду”, обсуждая и комментируя по нашему разумению всякую статью этих журналов, восхищаясь как замечательной стилистикой и языком их автора-эмигранта, так и содержанием их, всегда одухотворенным горячим желанием свободы и прогрессивных реформ для России»⁴⁸. В Московском университете «в аудиториях открыто читали “Колокол”, “Полярную звезду”, “Будущность христианской религии” Фейербаха, “Материя и сила” Бюхнера и т.п. сочинения»⁴⁹.

⁴⁴ Крылов В.А. Прозаические сочинения. СПб., 1908. Т. 1. С. XLV.

⁴⁵ Богатый материал о чтении разночинной молодежи второй половины 1850-х – начала 1860-х гг. обобщен в цикле статей И.Е. Баренбаума: «Кружковое» чтение разночинной молодежи второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 77–92; Из истории чтения разночинно-демократической молодежи второй половины 50-х – начала 60-х гг. XIX в. // История русского читателя. Л., 1976. Вып. 2. С. 29–44; Разночинно-демократический читатель в годы демократического подъема (вторая половина 50-х – начало 60-х годов XIX в.): (К характеристике индивидуального чтения) // История русского читателя. Л., 1979. Вып. 3. С. 23–35.

⁴⁶ Подробнее см. в главе II.

⁴⁷ О чтении изданий А.И. Герцена в России см.: Гинзбург Б.С. Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х – начале 1860-х гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 336–360. Он же. Отношение читательских кругов России к статьям «Колокола» (1857–1861 гг.) // Революционная ситуация в России, 1859–1861 гг. М., 1963. С. 306–337.

⁴⁸ Егоров А. Страницы из прожитого. Одесса, 1913. Т. I. С. 91.

⁴⁹ Попов Н. Эпоха увлечений // Наблюдатель. 1895. № 1. С. 357.

В военных учебных заведениях классы «делились на герценистов и антигерценистов»⁵⁰, в Петербургском кадетском корпусе во время занятий читали с преподавателем «Колокол» и «Полярную звезду», книги эмигрантов И.Г. Головина и П.В. Долгорукова⁵¹. Киевские гимназисты «засиживались над книгами Герцена “Былое и думы” и “С того берега”, которые доходили до нас в крайне истрепанном виде. “Колокол” тоже часто ходил по рукам и читался нарасхват»⁵².

Позднее в чтении молодежи значительное место стала занимать нелегальная и запрещенная книга. Например, в период подъема народнического движения (1873) «занятия в вузах были заброшены, мы старались впитать в себя возможно большее количество знаний к весне, когда рассчитывали двинуться в народ для пропаганды. Читали “Анархию” Бакунина, журнал “Вперед”, сочинения Чернышевского, Худекова, Флеровского, Лаврова и др.»⁵³.

Активно читалась и обсуждалась молодежью философская (Л. Фейербах, Д. Штраус, М. Штирнер, Т. Карлейль, К. Фохт, Я. Молешот, Л. Бюхнер, О. Конт, Г. Спенсер) и социально-политическая литература (А. Токвиль «Демократия в Америке» и «Старый порядок», Р. Оуэн, К. Сен-Симон, Ш. Фурье, Г. Бокль). Значительное место в чтении принадлежало и естественно-научным изданиям (Ч. Дарвин, В. Лекки, Дж. Тиндаль, Т. Гексли и др.), но они интересовали читателей не чисто научным содержанием, а своим мировоззренческим аспектом, как проводники материалистического мировоззрения в противовес религиозному.

В книге искали аргументы в пользу уже сложившегося «реалистического» мировоззрения, основными чертами которого были материализм и атеизм в философии, радикализм в политике, «разумный эгоизм» в этике. Немногочисленные считавшиеся авторитетными книги воспринимались как источник доказанной наукой истины в последней инстанции. «Молодые люди входили в храм науки с уже создавшимся настроением и ожидали, что им будет дан в руки новый катехизис, основные догмы которого уже предначертаны. Их нужно было только оформить и подкрепить цитатами», «толпы людей молодых, а иногда и зрелых, для которых всемирные ученые были оракулами мудрости, могли весьма поверхностно читать “священные” книги, могли даже не читать их, а довольствоваться их пересказом; могли из прочитанного делать выводы весьма произвольные; могли от лица оракула говорить то, что ему и не приходило в голову; могли, наконец, кроме избранной книги, забросить все остальные, не хотеть знать ничего, что с этой книгой не согласуется <...>»⁵⁴.

Много читала молодежь и современную художественную литературу. Этому в определенной степени способствовали радикальные перемены в преподавании словесности в начале 1860-х гг., в результате которых «расширился выбор произведений, подлежащих школьному изучению, в школу могла войти общественная современность с живой проблематикой текущей борьбы, литература могла явиться средством критического осмысления угнетательского общественного строя в его прошлом и настоящем, расширилась ученическая активность и сознательность в учебном процессе <...> упрочились и вошли в жизнь требования осмысленности в усвоении учебного материала»⁵⁵. Однако утилитаристский подход к художественной литературе (во многом под влиянием Д.И. Писарева), ожидание от нее инструкций и поучений нередко приводили к тому, что написанным на высоком художественном уровне, сложным и неоднозначным произведениям И.С. Тургенева, Ф.М. Достоев-

⁵⁰ Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. I. С. 21.

⁵¹ См.: Ашенбреннер М.Ю. Военная организация Народной воли. М., 1924. С. 5—6.

⁵² Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 40.

⁵³ Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 52.

⁵⁴ Котляревский Н. Канун освобождения. Пг., 1916. С. 455, 459.

⁵⁵ Скафтымов А. Преподавание литературы в дореволюционной школе: (Сороковые и шестидесятые годы) // Учен. зап. Сарат. гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 3. С. 229.

ского, Л.Н. Толстого молодежь часто предпочитала дидактичные и одномерные, но выполненные в «прогрессивном» духе романы Н.Ф. Бажина и А.К. Шеллера-Михайлова.

Еще одна ведущая для периода 1860—1870-х гг. группа – читатели из среды крупного и среднего поместного дворянства. Эту группу представляли, как правило, люди старшего поколения. М.Е. Салтыков-Щедрин писал в конце 1860-х гг. про «наше общество сороковых годов (или, лучше сказать, мыслящая его часть), составляющее и донныне главный контингент читающей публики <...>»⁵⁶. Читатели этой среды большое внимание в чтении уделяли художественной литературе. И, собственно говоря, им во многом адресовались ведущие русские прозаики 1850—1860-х гг. Круг чтения этой группы довольно легко представить – это прежде всего журналы («Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения»), где публиковались широко известные впоследствии и вошедшие в литературную классику произведения художественной литературы, публицистики и художественной критики.

В чиновничьей среде читатели с развитыми литературными интересами были немногочисленными. Большинство же составляли, по определению М.Е. Салтыкова-Щедрина, «солидные читатели». Он писал, что «к чтению солидный читатель не особенно пристрастен и читает не столько вследствие внутренней потребности, сколько вследствие утвердившейся привычки», он «с пятого на десятое проглядывает за утренним чаем свою газету, останавливаясь преимущественно на телеграммах и распоряжениях»⁵⁷.

А.С. Суворин, хорошо знакомый с крупным чиновничеством, следующим образом характеризовал этот слой: «Русские люди высшего образования ничего не читают; поступив на службу и по прошествии некоторого времени русский человек выходит невеждой, ибо сам считает себя образованным, и другие считают его таким, а у него остались смутные понятия, ибо прежнее образование не обновлялось и не развивалось чтением; о научных предметах начнет говорить – чепуха, поклонение старым богам; если что прочтет, хвалит наудачу, восхищается без толку и без толку ругает, и все с видом знатока; особенно если успел попасть на службе в большие чины. Учителя не составляют из этого исключения. Некогда читать»⁵⁸.

В течение пореформенного периода резко растет численность еще одной читательской группы – провинциальной интеллигенции (главным образом это были земские служащие – учителя, врачи, статистики и т.д.). Для них книга была чрезвычайно значимым средством преодоления культурного одиночества и возможностью ощутить свою общность с другими представителями интеллигенции.

Следует отметить также, что в середине 1890-х гг. зарождается новая, сугубо элитарная по своим читательским установкам группа, ориентирующаяся на декадентство и символизм. Отношение к литературе ее представителей деполитизируется и эстетизируется, они ждут от книги не поучения, а наслаждения, не рассмотрения социальных проблем, а анализа чувств и переживаний личности. В этой среде получают известность Д. Мережковский, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Н. Минский.

В условиях быстрого увеличения объема читательской аудитории в пореформенный период и ее дифференциации весьма отчетливо выделился значительный по численности «промежуточный» слой читательской публики, состоящий из «полуобразованных» читателей, уже отошедших от лубочной книги, но не имеющих достаточной подготовки для понимания публикаций толстого журнала (и книг этого слоя литературы). Образование, полученное его представителями, можно довольно условно назвать, используя современную терминологию, «средним» и «неполным средним» (уездное училище, духовное училище,

⁵⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 9. С. 8.

⁵⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1974. Т. 16. С. 141.

⁵⁸ Суворин А.С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 336.

семинария, несколько классов гимназии и т.п.), а по своему социальному положению это были, как правило, мелкие и средние чиновники, мелкое поместное дворянство, сельские священники, купцы и мещане. По словам наблюдателя того времени, «чтение, которое наш деловой человек считал прежде бездельем, купец и мещанин – несвойственным им проведением времени, духовный – недостойным занятием, мало-помалу начинает приобретать привлекательность <...>»⁵⁹.

Если в начале XIX в. эти социальные группы были слабо приобщены к чтению, то уже к середине века регулярное чтение становится нормой в данной среде. В условиях быстрых социальных изменений представители этого читательского слоя стремятся осмыслить свое место в рамках социального целого. Получив формальное образование, они привыкли искать ответ на возникающие вопросы в книге, однако краткосрочность обучения обусловила тот факт, что «научная» картина мира усвоена ими не полностью, мировоззрение их фрагментарно и сохраняет многие элементы и традиции обыденных представлений. Отсюда, с одной стороны, стремление к получению разнообразных сведений, а с другой – тяга не к систематичности этих знаний, а к сенсационности, интересности, завлекательности получаемой информации. Именно эту читательскую среду представлял читатель, названный М.Е. Салтыковым-Щедриным «простецом», который «составляет ядро читательской массы». Он писал: «...с наступлением эпохи возрождения (то есть периода реформ. – А. Р.) народилось, так сказать, сословие читателей, и народилось именно благодаря простецам. Последние уже перестали довольствоваться кличкой темных людей и наравне с прочими бросились в деятельный жизненный омут»⁶⁰.

Бликие по культурному уровню «средние» читатели довольно резко различались по своим жизненным интересам. Например, в 1860 г. численность священников достигала внушительной цифры – 113,8 тыс. человек⁶¹. Современники свидетельствовали, что и в этом сословии в начале 1860-х гг. усилился интерес к чтению: «...в нынешнее время приходское духовенство наше, в том числе сельское, сильно заявляет, что оно хочет читать и читает разные другие (кроме богослужебных. – А. Р.) духовного содержания книги, не чуждаясь и книг, так называемых, светских <...> наши священники, особенно в последние годы, сами стали в значительном числе покупать и выписывать духовные книги и журналы»⁶². В этой среде читались как специальные «духовные» журналы («Паломник», «Руководство для сельских пастырей», «Кормчий»), так и светские иллюстрированные журналы («Нива», «Родина»), дешевые газеты («Свет», «Сын отечества»).

Аналогичным образом росло число читателей среди офицеров в невысоких чинах, небогатых помещиков, мелких чиновников. Они выписывали газеты «Свет» и «Сын отечества», иллюстрированные журналы «Нива», «Родина», «Живописное обозрение», «Воскресение», «Иллюстрированный мир» и др., обычно дававшие в приложении романы современных «массовых» писателей.

В 1880-е гг. резкое увеличение численности «средних» читательских слоев осознавалось как «вторжение улицы» в литературу. Действительно, тиражи иллюстрированных журналов и газет, в основном читавшихся в этой среде, стремительно росли и исчислялись десятками, а иногда и сотнями тысяч. В качестве иллюстрации приведем один пример. В 1887 г. жители Уфимской губернии выписывали 485 экз. «Нивы» и 406 экз. газеты «Свет». На третьем месте (258 экз.) была газета «Сельский вестник», распространявшаяся в деревне (по волостным правлениям рассылался бесплатный экземпляр). Далее шли «Живописное обо-

⁵⁹ Михно С. [Фармаковский В.]. Письмо из Вятки // Рус. дневник. 1859. № 99.

⁶⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 147, 148–149.

⁶¹ См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М., 1973. С. 80.

⁶² Цит. по: Воскресное чтение. 1861/62. № 10. С. 270–271.

зрение» (182 экз.), газета «Казанский биржевой листок» (141 экз.), «Воскресение» (132 экз.), «Сын отечества» (118 экз.), еженедельная газета «Неделя» (98 экз.), газета «Новое время» (93 экз.), «Иллюстрированный мир» (83 экз.) и т.д. Толстые журналы выписывались в гораздо меньшем числе: «Русская мысль» – 35 экз., «Вестник Европы» – 31 экз., «Северный вестник» – 23 экз., «Наблюдатель» – 13 экз. и т.д. Общее число получаемых в губернии экземпляров иллюстрированных журналов более чем в 6 раз превосходило число толстых ежемесячников⁶³.

Самой большой по численности в последней трети XIX в. была быстро увеличивавшаяся «простонародная» читательская аудитория. Выше уже говорилось о резком разрыве между начальной и средней школой в дореволюционной России. Но поскольку именно начальная школа развивалась в пореформенный период опережающими темпами, то в результате формировалась многочисленная категория грамотных, но необразованных читателей. И по своему жизненному опыту, и по характеру полученных знаний (ничтожные сведения по истории и географии, помимо умения читать, писать и считать) они не были готовы к восприятию литературы «образованных» читательских слоев.

Для «простонародных» читателей быстро развивается своя литература (в значительно меньших размерах она существовала и ранее), которая быстро дифференцируется, обслуживая различные «прослойки» этой читательской среды.

Уже в 1870—1880-х гг. отчетливо выделяется категория низового городского читателя. Еще в конце 1850-х – начале 1860-х гг. для его представителей выходили так называемые «уличные листки», а позднее возникает и развивается своя «малая пресса» (газеты «Петербургский листок», «Московский листок», «Новости дня», журнал «Развлечение»). По наблюдениям А.П. Чудакова, детально проанализировавшего поэтику этого слоя литературы и творчество основных его представителей, «если в 60-е годы, первое десятилетие существования массовых русских журналов, граница между “малой” и “большой прессой” была нечеткой, многие авторы сотрудничали и там и там, то постепенно она обозначилась все резче. Малая пресса завела “свой” повесть и рассказ из великосветской жизни, ее сценка приобрела особые жанровые очертания, каких она не имела в “Современнике”, “Русском слове”, “Библиотеке для чтения”, где начиналась; в “тонких” журналах появились свои собственные переводные авторы; газеты создали каноны особого газетного романа»⁶⁴. Ниже, в главе о газетах, дается подробная характеристика читателей «малой прессы».

Постепенно формируется и самостоятельная рабочая читательская аудитория. Это было связано как с ростом численности рабочих (в крупной промышленности Европейской России с 706 тыс. в 1865 г. до 1432 тыс. в 1890 г.)⁶⁵, так и с их профессионализацией, постепенным отрывом от деревни и усвоением городской культуры. В конце XIX – начале XX в. потомственные рабочие составляли небольшую часть от общего их числа, преобладали выходцы из деревни или отходники. Это приближало в значительной степени чтение рабочих к чтению крестьян. Однако наблюдения С. Ан-ского и ряда других исследователей показали, что в некоторых аспектах читательские вкусы рабочих существенно отличались от крестьянских: они обычно без особого интереса относились к религиозной литературе, прохладно воспринимали «сказки» и гораздо более заинтересованно, по сравнению с крестьянами, – романы и повести, особенно приключенческие⁶⁶.

⁶³ См.: Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа, 1889. С. 76—78.

⁶⁴ Чудаков А.П. Мир Чехова. М., 1986. С. 55. О жанрах малой прессы см. там же, с. 69—94.

⁶⁵ Ленин В.И. Указ. соч. С. 498.

⁶⁶ См.: Ан-ский С. [Раппопорт С.А.] Народ и книга. М., 1913.

Определенное место в чтении рабочих занимала и подпольная книга. В 1860—1870-е гг. факты ее чтения отмечались сравнительно редко⁶⁷, а к концу века, с развитием рабочего движения, значительная часть рабочих обращается к подобным изданиям.

К сожалению, чтение рабочих в те годы специально не изучалось, эмпирических данных очень мало. Однако имеются авторитетные свидетельства исследователей того времени. Н.А. Рубакин зафиксировал рост числа и уровня читателей-рабочих. Он писал, что «граница между “читателем из народа” и “читателем из «чистой публики»” ступшевывается сама собою и нередко от нее не остается и следа. Тип вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих, особенно в последние годы, определился довольно ярко <...>»⁶⁸. По наблюдениям современников (в 1900—1901 гг.), у передовых заводских рабочих «часто попадались более или менее серьезные книги. Мне, например, довольно часто случалось встречать “Рабочий вопрос” Ланге, “Историю культуры” Липерта, “Восьмичасовой рабочий день” Вебба и Кокса и даже “Капитал” Маркса <...> далеко не все в состоянии понимать все прочитанное, но все-таки читают с большой охотой, а однажды мне попался сосед по квартире, который наизусть зубрил “Краткий курс экономических наук” Богданова. Наряду с этим процветало и чтение нелегальной литературы»⁶⁹.

Статистическое обследование П.М. Шестакова, проведенное в конце XIX в. на московской ситценабивной фабрике (владельцы которой проводили «филантропическую» политику, открыв для рабочих школу, библиотеку, театр и т.д.), показало, что читатели составляли там 42% рабочих мужчин⁷⁰.

Среди немногочисленных крестьянских читателей вначале преобладали любители религиозной литературы. Об этом свидетельствуют многие наблюдатели того времени, например: «Грамотность между крестьянами <...> развита слишком мало, так что на сто человек едва ли придется один грамотный <...>. Грамотники исключительно читают одне только церковные книги <...>»⁷¹, «на чтение книг светской печати, особенно в некоторых местностях Ярославской губернии, смотрят враждебно; если крестьянин и говорит о ком-либо, что он человек книжный, то в большей части случаев подразумевает, конечно, чтеца книг церковно-славянских»⁷². Лишь постепенно менялось отношение крестьянских читателей к светской книге, и в 1870—1880-е гг. она довольно широко входит в круг чтения деревенских грамотеев⁷³. Вначале светская книга была представлена только лубочной литературой и лишь с середины 1880-х гг. с ней начинают конкурировать «издания для народа», к концу века в определенной степени вытесняющие лубок из круга чтения сельского читателя⁷⁴. Следует отметить также так называемую «народную интеллигенцию», в число которой входило несколько тысяч крестьян, преподававших в сельских школах в качестве «народных учителей», писатели-самоучки (С.Т. Семенов, И.Г. Журавов, В.И. Савихин, И.С. Ивин и др.) и ряд других, путем самообразования овладевших основами «интеллигентской культуры», крестьян. Однако они читали главным образом книги «образованной» публики и приближались по своим читательским установкам к интеллигенции.

С ростом величины читательской аудитории и ее расслоением растет разнообразие читательских запросов. В результате быстро расширяется книгоиздательский репертуар:

⁶⁷ См.: Соколов О.Д. На заре рабочего движения в России. 2-е изд. М., 1978. С. 74—142.

⁶⁸ Рубакин Н.А. Указ. соч. С. 192.

⁶⁹ Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. С. 6.

⁷⁰ Рассчитано по: Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900. С. 61—71.

⁷¹ Сумароков П. Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда // Сельское хозяйство. 1860. № 8. С. 63.

⁷² Алексеев Е.А. Народные читальни и публичные библиотеки // Вестн. Ярославского земства. 1874. № 22. С. 23.

⁷³ Подробнее см. в главе VIII «Книга и крестьянин: изменение отношения к чтению».

⁷⁴ См. главы IX и X.

всего на различных языках в России ежегодно выходило в 1855 г. – 1239, в 1860 г. – 2085, в 1887 г. – 7366, в 1895 г. – 11 548 названий⁷⁵.

О возникновении стабильного спроса на книгу свидетельствует и появление ряда коммерческих издателей, действующих в крупных масштабах. Их усиленная борьба за расширение рынка порождала постоянные поиски новых средств привлечения покупателей. В конце концов крупные издатели поделили сферы влияния, ориентируясь на различные слои покупательской публики и выпуская, соответственно, разную по типу литературу. Так, М.О. Вольф, рассчитывая на состоятельного покупателя, стремился издавать подарочную, «роскошную» книгу. Он первым в России начал печатать иллюстрированные издания большого формата, выпуская богато оформленные детские издания. В отличие от него, А.Ф. Маркс ориентировался на мелкую и среднюю буржуазию, провинциальную интеллигенцию. Увеличивая тиражи, он добивался снижения цены книг и тем самым роста численности их покупателей. Выпускаемые им в приложении к журналу «Нива» многочисленные собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков и крупных современных писателей давали возможность подписчику составить представительную домашнюю библиотеку. Еще более широкой аудитории (но все же в рамках «средних» читательских слоев) были адресованы многие издания А.С. Суворина, выпускавшего «Русский календарь» и популярную массовую малоформатную серию «Дешевая библиотека», включавшую произведения отечественных и зарубежных классиков. Низовую аудиторию города снабжали книгами такие издатели, как С.И. Леухин, А.И. Манухин, А.М. Земский, выпускавшие многочисленные «потешные» рассказы из мещанского и мелкочиновничьего быта, сонники и песенники, «руководства», «помогающие» жениться и разбогатеть, и т.п. издания. Наконец, ряд издателей специализировались на выпуске лубочных книг для крестьянского читателя – И.Д. Сытин, И.А. Морозов, Е.А. Губанов, П.Н. Шарапов. Элитарный читатель был немногочислен и обращался главным образом к журналу. Тем не менее отдельные издатели (например, К.Т. Солдатенков, М.М. Стасюлевич) выпускали книги преимущественно для этой аудитории.

С формированием значительных по численности квалифицированных кадров (в ряде профессий) возникает соответствующая издательская специализация: К.Л. Рикер выпускает книги по технике и медицине, А.Ф. Девриен – по естествознанию и сельскому хозяйству, В.А. Березовский – военную литературу, П.И. Юргенсон – музыкальную и т.д.

Даже сделанный нами по необходимости беглый обзор демонстрирует наличие в России во второй половине XIX в. большого числа читательских аудиторий, существенно отличающихся друг от друга по отношению к книге, уровню знаний и кругу интересов: от неискушенных в литературе поклонников лубочных книг о Бове Королевиче до группы элитарных читателей – утонченных ценителей литературы, ориентирующихся на К. Бальмонта и близких ему авторов (это многообразие читательских позиций, одни из которых представляют вчерашний, а другие – завтрашний день чтения в стране, нашло свое выражение в заглавии данной книги).

В последующих главах дается более детализированная характеристика ряда читательских групп, прежде всего – относящихся к менее известным сейчас «средним» и «низовым» слоям публики.

В заключение подчеркнем, что приведенные выше данные о существенном росте числа читающих в стране во второй половине XIX в. отнюдь не означают, что к концу характеризуемого периода чтение стало повсеместным явлением. Если в дворянской среде чтение стало нормой еще в первой половине XIX в., то у других сословий этот процесс не завершился и в начале XX в. Так, например, масштабы деятельности публичных библиотек, как

⁷⁵ Муратов А.В. Указ. соч. С. 201, 203.

показал К.Н. Дерунов, были невелики, они обслуживали очень узкую аудиторию, обычно не превышающую 500 человек⁷⁶. По подсчетам Н.А. Рубакина, даже среди представителей привилегированных классов в библиотеки в первой половине 1890-х гг. было записано не более одной пятой части⁷⁷. В городских «народных библиотеках» число читателей также составляло несколько сотен⁷⁸, в сельских – 200—300 человек⁷⁹.

Таким образом, перейдя из разряда исключений в разряд довольно часто встречающихся явлений, чтение тем не менее не стало насущной потребностью большинства населения. В середине 1890-х гг. Н.А. Рубакин констатировал, что «мало таких людей, которые чувствуют потребность в постоянном общении с книгой <...>. Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное, но не массовое»⁸⁰.

Однако и культурные механизмы распространения чтения, и соответствующие организационные формы (школа, низовые газеты, иллюстрированные журналы, дешевая «книга для народа», «народные библиотеки») были уже пущены в ход. В дальнейшем (частично – в начале XX в., окончательным образом – в годы советской власти) на основе, созданной во второй половине XIX в., Россия из страны нечитающей превратилась в страну почти поголовного чтения, однако закономерности развития чтения в этот период должны стать предметом специальной углубленной разработки.

⁷⁶ См.: Дерунов К.Н. Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки // Дерунов К.Н. Избранное. М., 1972. С. 62—140.

⁷⁷ Рубакин Н.А. Указ. соч. С. 85.

⁷⁸ См.: Девель В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа. СПб., 1892. С. 8—20.

⁷⁹ Подробнее смотри в главе X.

⁸⁰ Рубакин Н.А. Указ. соч. С. 84.

Глава II

ТОЛСТЫЙ ЖУРНАЛ И ЕГО ПУБЛИКА

Основное место в чтении образованной части русского общества во второй половине XIX в. принадлежало толстому журналу. Преобладание журнала над книгой стало определяться с середины 1830-х гг., после появления имевшей громадный успех «Библиотеки для чтения». К середине 1840-х гг. ключевое положение журнала в литературе стало очевидным, о чем свидетельствуют высказывания литераторов различных литературных лагерей – от Ф.В. Булгарина («Теперь книгопродавцы утверждают повсеместно, что не из чего хлопотать, потому что ничто не идет с рук, кроме журналов, и потому, если состряпается где повесть или роман, они поступают в журналы, которые вместительностью своею равняются огромным ластовым судам <...>»⁸¹) до П.А. Плетнева («В нашу эпоху журналы сделались исключительным чтением публики. Ими удовлетворяет она двум своим потребностям: знакомится с новостями в области наук и словесности, и в то же время наполняет досуги тем чтением, которое необходимо для самого полуобразованного человека»⁸²).

С этого времени примерно до начала 1890-х гг. основная часть литературных и публицистических произведений (по крайней мере, отечественных авторов) печаталась вначале в журналах. Отдельными изданиями выходили преимущественно научные труды, технические пособия, а также книги для менее подготовленных читательских аудиторий – учебные, детские, лубочные и т.п. Произведения для образованных читателей печатались в журналах и лишь затем, да и то далеко не все, выходили отдельными изданиями (различие статуса этих публикаций хорошо иллюстрирует и тот факт, что за перепечатку в книге автор получал гонорар почти в десять раз меньше, чем в журнале). Произведение же, не появившееся вначале в журнале или, по крайней мере, не отрецензированное там, не становилось во второй половине XIX в. литературным фактом. Современники отмечали, что «русская беллетристика сосредоточена в журналах, в которых помещается все мало-мальски заслуживающее внимания. Отдельными изданиями выходят или вещи, уже печатавшиеся в журнале, или забракованные всеми повременными изданиями <...>»⁸³, «почти ничего и не читается у нас кроме газет и журналов <...>, книги у нас не в ходу. Мы знакомимся с их содержанием, ценим их достоинство по журнальным отзывам»⁸⁴.

Для сравнения отметим, что в западных литературах журнал никогда не имел такого преобладающего положения, как в России. Значение книги и газеты там было существенно выше, а толстый журнал не носил энциклопедического характера и не уделял такого внимания политике, сосредотачиваясь в основном на литературных вопросах.

«Журнализацию» русской литературы можно объяснить следующими причинами. С постепенным повышением уровня образования населения и заимствованием у столичного дворянства культурных образцов более низко стоящими социальными слоями чтение входило в образ жизни все более широких слоев, прежде всего – провинциальных помещиков и чиновников. Однако резкого роста численности образованных читателей тем не менее не наблюдалось, кроме того, они были разбросаны по помещичьим усадьбам и многочисленным губернским и уездным городам. Традиционные каналы распространения книги (книжная торговля и библиотеки) в условиях рассредоточенности читателей по громадным пространствам страны оказывались неэффективными. Гораздо лучше, как выяснилось, с

⁸¹ 78 [Булгарин Ф.В.]. Журнальная всякая всячина // Сев. пчела. 1844. № 39.

⁸² [Плетнев П.А.]. К читателю «Современника» // Современник. 1846. Т. 44. С. 34.

⁸³ От редакции // Рус. мысль. 1885. № 1. Вклейка после с. 170 (паг. 2).

⁸⁴ П. Наши журналы // Русь. 1882. № 2. С. 21.

доставкой печатных изданий в отдаленные места справлялась почта — достаточно четко работающее учреждение не частного, а государственного характера. Таким образом, одна задача, которую решал журнал, — осуществление связи литераторов и читателей.

Кроме того, журнал объединял своих читателей. Вначале это была просто общность «культурных», «образованных», «просвещенных» людей, а с начала 1860-х гг. журнал стал консолидировать ту или иную группу (радикалов, либералов, консерваторов и т.п.) в рамках этой общности. В условиях неразвитости политической жизни журнал способствовал формированию общественного мнения по тем или иным актуальным вопросам. Почти всегда он отстаивал или, как любили тогда выражаться, «проводил» тот или иной комплекс идей, мнений и представлений. Направление журнала прежде всего касалось его социально-политической программы и лишь во вторую очередь литературно-эстетических взглядов. Поэтому писатели, не примыкающие к определенному направлению, оказывались в трудном положении и были вынуждены печататься в случайных изданиях, иллюстрированных журналах, газетах и т.п. Н.С. Лесков считал, например, что для того, «чтобы быть порядочным писателем в России, надо быть вне зависимости от редакторского произвола»⁸⁵. Я.П. Полонский объяснял появление своих произведений то в одном, то в другом журнале следующим образом: «Никак не мог я к чему-нибудь или к кому-нибудь примениться — писать в одном тоне, связать мысль мою. — Никому я вполне угодить не в силах, — никакая редакция не станет печатать всего того, что мне вздумается написать — каждая непременно хочет, так сказать, процедить меня»⁸⁶.

Объединение единомышленников осуществлялось журналом на основе неформальных связей, он воспроизводил традиционную для русской культуры структуру кружка. В начале XIX в. основными формами существования культуры (и в том числе литературы) были кружки и салоны. С расширением круга лиц, втянутых в культурную жизнь страны, в 1820—1830-е гг. распространился альманах, запечатлевавший в печатном виде структуру и жанровые образцы кружкового альбома, а в дальнейшем получил распространение журнал, рассчитанный на более широкую аудиторию. Он как бы расширил рамки кружка знакомых, заменив связь устную — печатной и письменной. Читатели часто писали письма в редакцию, и некоторые из них появлялись на страницах журнала. Кроме того, на местах журнал нередко служил основой для создания кружка единомышленников. Таким образом, регулярное чтение определенного журнала означало обычно для читателя нахождение социальной или культурной группы, с которой он себя отождествлял.

Для понимания успеха журнала нужно учесть и тот факт, что книги в России были сравнительно дороги и рисковать деньгами, приобретая неизвестную ему книгу, читатель, как правило, не хотел. Гораздо удобнее было выбрать (на основе предшествующего читательского опыта) журнал, а в дальнейшем обращаться уже только к нему, доверив редакции отбирать произведения для чтения. Кроме того, обеспечив себе сравнительно высокий тираж и гарантированный сбыт, издатели журналов могли распространять их намного дешевле, чем книги. По подсчетам Н.К. Михайловского, толстый журнал давал в 1860-е гг. читателю за 12—15 рублей столько разнообразного материала для чтения, сколько в виде книги стоило бы ему 30—40 р., то есть примерно в три раза дороже⁸⁷. Следует упомянуть, наконец, постоянно усиливающуюся тягу к отражению современности в литературе. Читатели стали стремиться прочесть не просто хорошее произведение, но произведение новое, актуальное, злободневное.

⁸⁵ Лесков Н.С. Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 440.

⁸⁶ Цит. по: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 501.

⁸⁷ Михайловский Н.К. Современная журналистика // Книжный вестн. 1866. № 21/22. С. 417.

В условиях дифференциации культуры необходим был посредник между высокообразованными людьми, ориентированными на просвещение населения, и читателями-неофитами, стремящимися приобщиться к культуре, получить оперативную трактовку всех научных, литературных и политических событий. В свое время В.Б. Шкловский проницательно отметил, что роль журнала заключается в том, чтобы «служить связью между местом и центром»⁸⁸. Шкловский имел в виду связь столиц и окраин, однако это наблюдение можно трактовать и более широко, как касающееся вообще центра и периферии культуры (подобные уровни были и в самих столицах).

Задачу посредничества взял на себя толстый журнал. Он должен был отобрать из всего богатства и многообразия культуры наиболее важные тексты, привести их в систему и в доступной форме предложить читателю. Д.И. Писарев писал в начале 1860-х гг. о том, что «периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственной пищей для нескольких десятков тысяч людей. Большинство публики читает одни журналы <...>»⁸⁹.

В 1840-х – первой половине 1850-х гг. журналы носили преимущественно литературный характер, но со второй половины 1850-х гг. они все более и более политизируются. По свидетельству А.Я. Панаевой, «после Крымской войны печатное слово получило вес в обществе; все сознавали, что необходим прогресс во всем, и с жадностью набросились на чтение журналов, которые, по возможности, обсуждали реформы, предпринимаемые в России»⁹⁰.

В пореформенный период русский толстый журнал обычно представлял не культуру или литературу в целом, а какую-либо политическую и мировоззренческую группу. На своих страницах он выстраивал читателю свой образ общества, науки и литературы. Печатаемая иногда статьи и рецензии естественно-научного характера, основное внимание журнал уделял социальной проблематике. Он делился обычно на два раздела: в первый входила художественная литература и наиболее важные исторические и публицистические статьи, а во второй – обозрение текущих событий в России и за рубежом, литературная критика, рецензии, смесь и т.п. материалы. На страницах журналов появлялись статьи по истории, политической экономии, этнографии, фольклористике, истории литературы, проблемам международной жизни и т.д. Вот, например, содержание одного из номеров «Современника» периода его расцвета (№ 2 за 1859 г.). В первом разделе («Словесность, науки и искусства») помещены статьи Н.Г. Чернышевского «Экономическая деятельность и законодательство» и В.П. Безобразова «Поземельный кредит и его современная организация в Европе», рассказ М.Е. Салтыкова-Щедрина «Развеселое житье», очерк А.А. Потехина «Река Керженец» и «Очерки народного быта» Н.В. Успенского, а также стихи А.А. Фета, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина (неопубликованное стихотворение) и Д. Байрона; во втором («Современное обозрение») – «Парижские письма» М.Л. Михайлова, «Петербургская жизнь» И.И. Панаева, «Политика» Н.Г. Чернышевского и 6 рецензий Н.А. Добролюбова. В приложении к журналу были помещены «Библиография журнальных статей по крестьянскому вопросу», а также переводы повести Э. Серре и статьи Г.Г. Меллина о природе и быте северной части Скандинавии.

Как видим, стремясь предложить разнообразный материал для чтения, журнал как бы «втягивает» под свою обложку целую библиотеку, очень продуманно и четко организованную. Следует, однако, отметить, что при всей универсальности содержания журнала основное внимание в нем уделялось политическим событиям либо событиям из других сфер социальной жизни, рассматриваемым под «политическим» углом зрения. Поэтому ведущее место

⁸⁸ Шкловский В.Б. Журнал как литературная форма // Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928. С. 115.

⁸⁹ Писарев Д.И. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 97.

⁹⁰ Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1956. С. 224.

в нем принадлежало социально ориентированной (касающейся актуальных проблем) художественной литературе и публицистике (обзор внешней и внутренней жизни, фельетон и т.п.).

Журнал был не местом публикации различных произведений (как это нередко было раньше), а трибуной единомышленников, и поэтому большое внимание уделялось в нем единству и цельности. В. Шкловский справедливо отмечал, что «журнал может существовать <...> как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи»⁹¹.

Н.К. Михайловский, активно участвовавший в русской пореформенной журналистике, признавал, что «журнал, а потом и газета определяли собою нередко и форму, и содержание произведений даже выдающихся талантов, в журналах и газетах группировались большие и малые силы для общего дела; журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения даже таких писателей, которые стояли, по-видимому, вне всяких отношений к “возникновению, падению и взаимным отношениям различных органов печати” (цитата из “Истории новейшей русской литературы” А.М. Скабичевского. – А. Р.), на журнальную или собственно редакторскую работу тратилась значительная часть сил выдающихся писателей»⁹².

По сути дела, собирая произведения различных авторов и komponуя их определенным образом, редакция создавала новый текст, определяемый конструкцией журнала. Для достижения этой цели у нее были две основные возможности – работа с людьми и работа с текстами.

Во-первых, редакция могла подобрать близких по убеждениям авторов, наладить с ними постоянные отношения, предусматривающие их работу в духе данного издания, и в ряде случаев даже заказ им необходимых произведений. Например, в некрасовском «Современнике», где обычно практиковались подобные формы работы, по воспоминаниям Г.З. Елисеева, «набирались подходящие к направлению журнала сотрудники, им представлялось писать в каждый данный момент, что им бог на душу положит. Никто не следил ни за мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читают никаких статей в своем журнале, а между тем само собой выходило все ладно. Почему? Да потому, что в журнале-то главным образом и нужно, чтобы все говорили в одно. Не только удачные фразы, но и неудачные, то есть слабые, целые статьи, если только они быют в одну цель, в общем несколько не вредят делу»⁹³. Конечно, Г.З. Елисеев несколько идеализирует редакционную ситуацию в «Современнике», и, как известно из других мемуарных источников, там также допускалось редакционное вмешательство в текст, однако, и в этом Елисеев прав, явление это носило эпизодический характер.

Редакция могла, во-вторых, проводить отбор среди поступающих (в том числе и в «самотеке») произведений, в случае необходимости перерабатывать их (сокращать, исправлять, переписывать фрагменты и т.д.), сопровождать предисловиями и примечаниями и, что очень важно, соответствующим образом компоновать различные тексты в структуре номера, стремясь к его цельности и внутренней уравновешенности. Хорошим примером подобной практики можно считать редакторскую деятельность Г.Е. Благовосветлова. Двадцать лет редактируя «Русское слово» («журнал начинающих писателей для начинающих читателей», по определению Н.В. Шелгунова) и продолживший его журнал «Дело», он часто изменял структуру статей и характер их изложения, делал в них вставки, не только переставляя акценты, но и меняя стиль изложения. Никак не выделяясь в качестве самостоятельного

⁹¹ Шкловский В.Б. Указ. соч. С. 116.

⁹² Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 121.

⁹³ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 18.

автора (время от времени он выступал с публицистическими статьями), он тем не менее накладывал на все материалы номера печать своей личности и своих убеждений и добивался в итоге живости и цельности журнала. Если учесть, что Благовосветлов был наделен умением подбирать (и воспитывать в соответствующем духе) сотрудников журнала (привлек к работе Д.И. Писарева, В.А. Зайцева, П.Н. Ткачева, Н.В. Шелгунова и др.), то нельзя не согласиться с тем, что это был незаурядный редактор, умевший использовать все возможности для обеспечения однородности и целенаправленности журнала.

Каждый журнал обычно представлял более или менее определенное идеологическое направление. Любопытно, что, несмотря на увеличение числа читателей в стране и быстрый рост числа газет, иллюстрированных и специальных журналов, число толстых универсальных ежемесячников в пореформенный период оставалось стабильным – на уровне 8—10 названий в год. По-видимому, этого количества хватало для того, чтобы охватить все основные позиции в рамках социально-политического спектра. Журналы, пытавшиеся существовать «вне направлений», обычно оказывались недолговечными и исчезали из-за малочисленности подписчиков.

Характерной чертой существования журналов с начала 1860-х гг. являлась постоянная (и временами – ожесточенная) полемика их между собой. Хотя нередко предлогом для споров служили эстетические или бытовые вопросы, но чаще всего за этим скрывалась не столько литературная, сколько социально-политическая борьба.

Поскольку в этот период каждый журнал освещал события и явления со своей точки зрения, «строил» свой «образ мира», то читатели нередко обращались только к одному-двум близким по характеру изданиям, игнорируя все прочие, причем дифференциация журналов постепенно усиливалась. В середине 1870-х гг. Н.Н. Страхов отмечал, что «в обществе и в кругу самих писателей образовались отделы, которые друг друга не понимают, питаются непрерывным повторением мыслей своего особого направления и обыкновенно друг друга терпеть не могут <...>. Почти у всех (журналов. – А. Р.) главная масса подписчиков, ядро читателей состоит из приверженцев. Для них-то и работает журнал, им угождает, им он и нравится; люди же свободные от пристрастия к журналу обыкновенно не находят в нем ничего хорошего. Для своих журнал имеет авторитет, блистает капитальными произведениями; для чужих его мнения лишены всякой тени авторитета, и имена сотрудников почти не различаются одно от другого»⁹⁴. Для иллюстрации факта обособленности журнальных аудиторий сошлемся еще на Я.П. Полонского, который писал знакомому в начале 1890-х гг.: «Я никого не знаю, кто бы выписывал “Вестник Европы”, – у него есть своя особенная серия читателей и почитателей»⁹⁵.

Поскольку журналы различались по своим идеологическим платформам, то факт подписки на то или иное издание (рядовые читатели подписывались обычно лишь на одно) означал принятие того, а не иного «образа мира». Сразу на несколько изданий подписывались только литераторы или состоятельные и высококультурные люди. Так, например, семья придворного архитектора А.И. Штакеншнейдера, содержавшая литературный салон, выписывала в конце 1850-х гг. сразу пять толстых ежемесячников («Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» и «Русская беседа») ⁹⁶. Наиболее распространены были в читательской среде издания радикального направления: «Современник» (закрыт в 1866 г.) и наследовавшие ему «Отечественные записки» (под редакцией Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1866—1884), а также «Русское слово» (1859—1866) и «Дело» (1866—1888). Популярны были также (особенно после закрытия «Отечественных

⁹⁴ Страхов Н.Н. Критические статьи. Киев, 1902. Т. 2. С. 54.

⁹⁵ Письма Я.П. Полонского к А.В. Жиркевичу // Рус. литература. 1970. № 2. С. 131.

⁹⁶ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 132, 177—178.

записок» и «удушения» «Дела») либеральные журналы «Вестник Европы» (1866—1918) и «Русская мысль» (1880—1918), народническое «Русское богатство» (1879—1918). В консервативных кругах высоким авторитетом пользовался «Русский вестник» (1856—1906)⁹⁷. В 1880—1890-х гг., когда выдержанность направлений журналов несколько ослабла (одни и те же литераторы печатались, например, в либеральных и консервативных органах), довольно долго существовали также такие издания, как «Наблюдатель» (1882—1904), где либеральный налет сочетался с яростным антисемитизмом, и чисто коммерческие «Колосья» (1884—1893), печатавшие третьесортную беллетристику. Другие журналы (а их было довольно много) обычно закрывались через несколько лет (по финансовым причинам или из-за правительственного запрета).

Характеристика журнала как типа издания дает материал для суждений о его аудитории. Ведь согласие читателя предпочесть журнал книге означает, что он считает себя недостаточно компетентным, чтобы из потока многочисленных публикуемых отдельно произведений выбрать подходящие именно ему, отвечающие на его духовные запросы. Он не хочет (или не может) читать большое число разнообразных книг и нередко довольствуется обзорами, компиляциями, пересказами, рецензиями и т.д. Журнальный читатель вообще слабо доверяет конкретному индивиду (автор книги сам несет ответственность за нее), ему важно, чтобы публикация исходила от группы в целом (помещенный в журнале материал несет на себе его марку, кроме того, значительная часть статей и рецензий помещалась вообще без подписи, как текст, исходящий не от конкретного автора, а от редакции). Читая только «свой» журнал, подписчик готов безоговорочно доверять его сотрудникам, освещающим те или иные актуальные проблемы, и отказывается от критического сопоставления различных точек зрения по данному вопросу.

Журнальные публикации адресовались читателям довольно высокого образовательного уровня, знакомым с отечественной и зарубежной историей, географией, политическим устройством и т.п. (характерно, однако, что ученые больше читали научные книги и специальные журналы), придающим высокое значение печатному слову, обращающимся к нему в поисках самоопределения и, возможно, ограниченным в доступе к книгам.

Наблюдения О.В. Мильчевского в середине 1860-х гг. показали, что основные читатели журналов – это «высшее чиновничество, более богатое дворянство не служащее, да учащая и учащаяся молодежь; читают много и чиновничьи жены, больше, по крайней мере, чем мужья», причем подписываются на них либо очень богатые лица, либо библиотеки, либо высшие и средние учебные заведения⁹⁸.

Аудитория толстых журналов была не очень велика. Современник признавал, что они «существуют не для массы нашей читающей публики. По содержанию своему, во всем его объеме, они доступны и, даже скажем, нужны незначительному кругу людей образованных и стоящих по своему общественному положению близко к тем интересам и вопросам, которым эти журналы посвящены»⁹⁹. На каждый журнал подписывалось несколько тысяч человек. Для того чтобы журнал не «прогорел», нужно было хотя бы 2—3 тыс. подписчиков, а имевшие успех журналы собирали в разные периоды от 6 до 15 тыс. подписчиков (у «Современника» в 1860 г. было 6,6 тыс., у «Отечественных записок» в 1880 г. – 8,1 тыс., у «Русской мысли» в 1887 г. – 10 тыс. и т.д.). Всего же суммарный одноразовый тираж их составлял, по нашим приблизительным подсчетам, в 1860 г. – 30 тыс., в 1880 г. – 40 тыс., в 1900 г. – 90 тыс. экз. Для определения объема читательской аудитории журналов следует учесть сле-

⁹⁷ Подробную характеристику ежемесячников второй половины XIX в. см. в: Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2.

⁹⁸ М-ский [Мильчевский]. О. Наша журналистика и публика // Книжный вестн. 1864. № 3. С. 254.

⁹⁹ Заметки о книжной торговле в России // Книжный вестн. 1860. № 1/2. С. 15.

дующие обстоятельства. Во-первых, обычно журнал читал не только сам подписчик, но и члены его семьи, а также друзья и знакомые. Во-вторых, нередко были случаи подписки в складчину, когда небогатые читатели выписывали один экземпляр на несколько человек. Так поступали, например, члены объединявшегося вокруг Н.А. Добролюбова студенческого кружка в Педагогическом институте, поэт-самоучка И.З. Суриков и его друзья и многие другие. Н.П. Баллин, служивший в конце 1850-х гг. в Костроме, вспоминал, как он и его жена «сами выписали себе журнал и уговорили более десятка знакомых выписать также по журналу. На получившихся журналах подписывались фамилии участвовавших в ассоциации совокупной выписки по порядку, который должен был соблюдаться при выдаче журналов для чтения так, что записанный первым для чтения одного журнала записывался вторым для чтения другого журнала, третьим для чтения третьего и т.д. Таким образом, записанный последним для чтения первого журнала записывался первым для чтения последнего. Все журналы по миновании надобности становились общою собственностью»¹⁰⁰. Наконец, в-третьих, несколько сотен экземпляров тиража журнала поступали в библиотеки, где интенсивно использовались (в публичных библиотеках в конце 1880-х – начале 1890-х гг. они составляли 80—50% книговыдачи, об использовании их в библиотеках для чтения говорится дальше, в соответствующей главе). В 1877 г. Н.К. Михайловский полагал, что у «Отечественных записок» при 8 тыс. подписчиков примерно 100 тыс. читателей¹⁰¹. Обследование своей аудитории, проведенное более чем через тридцать лет редакцией журнала «Современный мир», установило, что один экземпляр журнала, получаемого частными лицами, читают в среднем 8 человек, а в библиотеках – не менее 30. Расчеты показали, что при тираже 15 тыс. экземпляров общее число читателей должно немного превышать 200 тыс. человек¹⁰² (то есть в среднем получается 13—14 читателей на экземпляр, примерно столько же, сколько было ранее по оценке Михайловского). Поскольку у менее популярных органов число читателей на экземпляр было существенно меньше и, кроме того, определенная часть аудитории обращалась к нескольким журналам, при подсчете суммарной численности журнальной аудитории приведенные выше цифры тиражей следует, по-видимому, утроить или учетверить.

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 216 (Баллин Н.П. 50 лет моей жизни).

¹⁰¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 10. С. 812.

¹⁰² Ларский И. Из настроений журнального читателя // Современный мир. 1911. № 4. С. 242.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.